

Научная статья

УДК 398.22:811.512.211

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-91-104

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ОХОТСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЭВЕНОВ

С. И. Шарина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»),
Якутск, Россия,
e-mail: sarshar@mail.ru

Аннотация. Архаический эпос представляет собой вершину развития сказительского искусства эвенов. Работа посвящена изучению особенностей языка одного из локальных вариантов эвенского архаического эпоса *нимкан*, что является малоизученной областью. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения ценнейшего культурного наследия малочисленного этноса, которое находится под угрозой исчезновения. В статье впервые ставится цель лингвистического анализа языка эвенской эпической традиции, в частности, охотского локального варианта. Для достижения цели решаются задачи: уточнения репертуара эпических текстов охотской локальной традиции; выявления характерных черт локального охотского варианта на уровне фонетики, морфологии и лексики; определения векторов и перспектив последующих исследований языка эвенского эпоса. В качестве объекта изучения рассматривается охотская эпическая традиция. Предметом исследования является специфика языка архаического эпоса локальной охотской традиции: фонетические, морфологические, лексические особенности. Применяемый комплекс методологических подходов включает в себя описательный метод, сравнительный, сопоставительный, методы лексикографического и диалектологического анализа.

На основе проведенного впервые комплексного лингвистического анализа девяти фольклорных произведений охотской эпической традиции выявлены специфические черты территориального охотского диалекта, формирующие языковую ткань охотского эпоса. В области консонантизма отмечается отсутствие спирализации согласного [с], ассимиляция согласных (сочетания *лл*, *нн*; переход согласного *ч* в *т*, уподобление согласных). Морфологические особенности *нимканов* отражают дистинктивные признаки, присущие охотскому диалекту. В сфере глагольной морфологии выявляются не отмеченные ранее в грамматических описаниях некоторые видовые формы: ультрамгновенный вид (*нукан*—/*нукэн*—); итеративные формы (*-тна*—/*-тнэ*— и *-ру*); аттенуатив (*-йт*—/*-ч*—/*-йт*—/*-ч*). При осуществлении целостного анализа фольклорных текстов выявляется богатый пласт специализированной лексики: уникальные имена эпических героев, характерные для каждого персонажа своеобразные заповные слова, специфические фольклорные слова, метафорические выражения.

Анализ языка *нимкана* внесет существенный вклад в углубленное и всестороннее описание эвенской эпической традиции. Это позволит ввести в научный дискурс как новые, собранные в полевых условиях фольклорные материалы, так и ранее недоступные архивные данные. Кроме того, исследование будет способствовать детализации, выявлению и уточнению специфических черт малоизученных и неисследованных эвенских говоров и диалектов на всех уровнях языка.

Ключевые слова: эвенский язык; фольклор; архаический эпос; охотская традиция; памятники эпического наследия; язык эпоса; лингвистический анализ; диалектная обусловленность языка *нимкана*, фонетические особенности; морфологические особенности; лексические особенности

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 за 2026 год (проект НИР № 124030600003-9) с использованием научного оборудования ЦКП федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН».

Для цитирования: Шарина С. И. Специфика языка охотской эпической традиции эвенов. *Эпосоведение*. 2026, 3(43), С. 91–104. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-91-104>

© Шарина, С. И., 2026

© Sharina, S. I., 2026

Original article

Language features of the Even epic tradition of the Okhotsk region

Sardana I. Sharina

Institute of Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
(Federal Research Center “Yakut Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences”),
Yakutsk, Russia,
e-mail: sarshar@mail.ru

Abstract. The archaic epic represents the pinnacle of the Even people’s oral storytelling tradition. This study examines the linguistic features of one of the local variants of the Even archaic epic, the Nimkan, which is an under-researched area. The relevance of the study stems from the need to preserve the invaluable cultural heritage of the small ethnic group that is at risk of extinction. For the first time, the article sets out the objective of conducting a linguistic analysis of the language of the Even epic tradition, specifically the Okhotsk local variant. To achieve this aim, the study addresses the tasks of clarifying the repertoire of epic texts within the Okhotsk local tradition; identifying the specific features of the local Okhotsk variant at the phonetic, morphological, lexical levels; and outlining directions for further research into the language of the Even epic. The object of the study is the Okhotsk epic tradition. The subject of the study is the specific features of the language of the Okhotsk epic tradition: phonetic, morphological and lexical characteristics. Methods used: descriptive, comparative-contrastive, lexicographical and dialectological analysis.

As a result of a linguistic analysis – the first of its kind in Even studies – of nine epic works from the Okhotsk epic tradition, the distinctive features of the Okhotsk regional dialect were identified at all linguistic levels. In the area of consonantism, there is a notable absence of spirantisation of the consonant [s], as well as consonant assimilation (the combinations ll, nn; the transition of the consonant “ч” to „r“; and consonant assimilation). The morphological features of the Nimkan people reflect the distinctive characteristics inherent to the Okhotsk dialect. In the field of verbal morphology, certain aspectual forms not previously noted in grammatical descriptions are identified: the ultramomentary aspect (-nukan-/-nuken-); iterative forms (-tna-/-tne- and -ru); and the attenuative (-jat-/-ch-/-jet-/-ch). A comprehensive analysis of folklore texts reveals a rich layer of specialised vocabulary: unique names of epic heroes, distinctive opening words characteristic of each character, specific folklore terms, and metaphorical expressions.

An analysis of the Nimkan language will make a significant contribution to an in-depth and comprehensive description of the Even epic tradition. This will enable both new folklore materials collected in the field and previously inaccessible archival data to be incorporated into scholarly discourse. Furthermore, the research will facilitate the detailed examination, identification and clarification of specific features of little-studied and unexplored Even dialects and variants at all levels of the language.

Keywords: Even language; folklore; archaic epic; Okhotsk tradition; monuments of the epic heritage; language of the epic; linguistic analysis; dialectal characteristics of the Nimkan language; phonetic features; morphological features; lexical features

Acknowledgements: This research was carried out as part of State Commission No. 075-00619-26-00 for 2026 (research project No. FWRS-2024-0070) using scientific equipment Shared core facilities of the Federal Research Center “Yakutsk Science Center SB RAS”.

For citation: Sharina, S. I. Language features of the Even Epic Tradition of the Okhotsk region. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 91–104. (In Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-91-104>

Введение

Угроза утраты самобытного языка и уникальной культуры эвенского народа, являющихся ценным вкладом в мировое культурное наследие, делает исследование вербальной традиции этноса неотложной задачей. Для эффективной ревитализации исчезающего языка необходимо создание прочной научной базы, включающей систематическое описание, разработку различ-

ных типов словарей, а также сбор и документацию фольклорных образцов. В эвенской фольклористике наиболее крупным и кульминационным жанром является архаический эпос *нимкан*. Особенностью эвенского архаического эпоса является его принадлежность к ранним формам эпической традиции, которая по стадияльной типологии, согласно Ж. К. Лебедевой, не эволюционировала до жанра героического эпоса (Лебедева, 1981: 18). Его формирование стало результатом синтеза мифологических представлений и архаической волшебной сказки. Архаический эпос *нимкан* вобрал в себя не только значимые данные о мировоззрении, духовном мире, религиозных представлениях и укладе жизни народа, но и художественно-выразительные аспекты его словесного творчества. В рамках архаического эпического дискурса центральное место занимает герой, наделенный чудесными качествами, который преодолевает трудности и ведет богатырскую борьбу для достижения поставленных целей. Исполнение *нимкана* традиционно осуществляется сказителем *нимкаланом*, преимущественно в прозе, в то время как песни используются лишь для передачи диалогов. В настоящее время лингвистам доступно более сорока записей эвенских эпических сказаний *нимканов*, как опубликованных, так и неопубликованных. Этот языковой материал обладает высоким научным потенциалом и еще не исчерпал свои возможности для лингвистического анализа. Ранее эпическая традиция эвенов была систематизирована и разделена на пять локальных групп. Эта классификация, основанная на анализе сказительских очагов и лингвистических особенностей территориальных вариантов языковых идиом, включает в себя охотскую, момскую, колымскую, оймьяконско-томпонскую и северную эпические традиции (Шарина, 2024).

Одним из ключевых аспектов изучения языка *нимканов* является его явная диалектная обусловленность. Фонетические, морфологические и лексические особенности, присущие эвенским эпическим текстам, служат непосредственными лингвистическими маркерами говоров и диалектов. Актуальность исследования языка *нимканов* продиктована и тем, что ряд идиом эвенского языка до сих пор остаются недостаточно изученными и не имеют системного описания, а также не ограничены четко границы распространения тех или иных языковых идиом. Кроме того, актуальной задачей остается подготовка к публикации новых и архивных материалов.

Настоящая статья ставит своей целью осветить проблему изучения специфики эвенского эпического языка и систематизировать имеющиеся эпические тексты в рамках одного очага эпической традиции – охотского, тем самым выявить имеющиеся диалектные особенности языка территориальной группы эвенов в области фонетики, морфологии, лексики. Охотский очаг примечателен тем, что он стоит особняком по многим параметрам: по сюжетно-композиционной структуре, образам, а также по особенностям языка, присущим охотскому диалекту эвенского языка. Материалом для исследования являются опубликованные и неопубликованные эпические тексты, зафиксированные в разное время в селе Арка Охотского района Хабаровского края.

Из истории собирательства памятников эпического наследия эвенов

Впервые эвенский фольклорный материал был зафиксирован исследователями в середине XVIII в. Так, участник Второй Камчатской экспедиции, российский путешественник и учёный Я. И. Линденау в 1742 г. записал первые образцы эвенского фольклора – два мифа о происхождении земли и первых людей (Линденау, 1983). Последующая документация эвенского устного творчества была осуществлена лишь по прошествии более чем столетнего интервала. В 1874 г. А. А. Шифнером был опубликован труд, включающий несколько образцов эвенских текстов, собранных Г. Л. Майделем во время путешествия по Восточной Сибири в 1868–1870 гг. (Schiefner, 1874). Примечательно, что один из приведенных текстов, про братьев *Адмочан* и *Чолкёкан*, является образцом эпического сказания эвенов. Следующая фиксация устного творчества эвенов случилась в конце XIX в. В 1895–1896 гг. изучением и записью языка и фольклора эвенов верховьев Омолона на Колыме начинает заниматься народоволец В. Г. Богораз, ставший одним из основателей отечественного североведения и основоположником российского эвеноведения

(Богораз, 1931). Во время работы в Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции в 1901–1902 гг. выдающийся исследователь Севера В. И. Иохельсон на реке Коркодон от тунгусского проводника Афанасия по прозвищу Машка записал три эпических текста («Утренняя звезда», «Белоглазый старик» и «Карлик»), которые приводятся без национальных вариантов, только в переводе (Иохельсон, 2005: 414–424).

В советский период, начиная с 1930-х гг., к процессу документирования привлекались как педагоги общеобразовательных учреждений, так и квалифицированные специалисты в области языкознания, в частности, В. И. Левин, Б. Л. Кронгауз, Н. П. Ткачик, А. Р. Беспаленко и К. А. Новикова. Собранные ими образцы вошли в фольклорный сборник (Эвенский фольклор, 1958).

Наиболее значимым достижением собирательской работы того периода можно считать открытие Охотского очага эпической традиции. В 1937–1938 гг. в селе Арка Охотского района Хабаровского края школьный учитель Н. П. Ткачик записал три обширных эпических сказания от 98-летнего эвенского *нимкалана* (сказителя) Николая Георгиевича Мокроусова.

Важную работу по сбору эвенских эпических текстов продолжил В. Д. Лебедев, известный эвенский поэт и первый ученый из эвенов. В 1955 г. он зафиксировал несколько таких произведений в Момском районе Якутии (Лебедев, 1978). Позднее, в 1969 и 1973 гг. им и Ж. К. Лебедевой были произведены записи более десятка текстов архаического эпоса в селе Арка. В 1992 г. был опубликован в виде брошюры эпический текст, задокументированный В. А. Роббеком в 1975 г. в селе Березовка Среднеколымского района (Тайшина, Роббек, 1992). Начиная с 1980-х и по 1990-е гг., к собирательской деятельности в области эвенского архаического эпоса присоединились такие специалисты, как Х. И. Дуткин (Дуткин, 1980), А. А. Данилова (Данилов, 1991), А. Л. Мальчуков (Metele, 2020), В. А. Петрова (Петрова, 2014), а также эвенская писательница Е. Н. Бокова (Бокова, 2002).

Систематическое изучение языка эвенского фольклора началось с середины двадцатого века. В этот период стало возможным формирование корпуса разнообразных фольклорных текстов, собранных у различных групп эвенов, а также появление описаний эвенского языка. Важно отметить, что фрагменты эпических произведений в научных работах эвеноведов зачастую служили лишь иллюстрацией конкретных диалектных особенностей. Впервые вопрос об особенностях собственно языка эвенского фольклора поднял А. А. Бурыкин. В своей работе он детально анализирует язык загадок и других малых жанров (Бурыкин, 2001), обнаруживает различия в лексике и синтаксисе между сказками, преданиями, быличками, песнями и обрядовым фольклором (Бурыкин, 2004). При этом язык эпических сказаний им не выделялся отдельно, вероятно, в связи с ограниченным объемом опубликованных к тому времени текстов архаического эпоса. Следует отметить, что языковой корпус *нимкана* остается крайне актуальным для различных направлений гуманитарной науки и не утратил своего потенциала для лингвистических исследований.

Эпическое наследие охотских эвенов

Особая заслуга в сохранении для потомков ценнейших образцов эвенского эпоса принадлежит учителю Аркинской школы Николаю Прокопьевичу Ткачику, чей неустанный труд и глубокий интерес позволили открыть очаг эпической традиции, создать безупречные записи и переводы уникальных произведений. Н. П. Ткачик впервые приехал в Арку в 1927 г. 22-летним молодым человеком. Энтузиаст-просвещенец выучил эвенский язык, проработал в школе-интернате до 1932 г., прервав работу только для учебы в ЛГПИ им. А. И. Герцена. По окончании учебы в 1936 г. он вернулся в Арку, самоотверженно работал директором школы, занялся записью фольклора. В период с 1937 по 1938 гг. Н. П. Ткачиком были записаны три шедевра эвенского эпоса, признанные наиболее выдающимися произведениями жанра: «Делгэни», «Чибдэвэл» и «Геакчавал» (сказания названы по именам героев сказаний). Сбор этих *нимканов* был осуществлен от 98-летнего народного сказителя-*нимкалана* Николая Георгиевича Мокро-

усова (1839–1937), чьи сказания составляют основу издания «Эпос охотских эвенов», подготовленного В. Д. Лебедевым и Ж. К. Лебедевой (Эпос охотских эвенов, 1986). Незадолго до Великой Отечественной войны Н. П. Ткачик поступил в аспирантуру Института народов Севера в Ленинграде, работал над диссертацией и публикацией фольклорных материалов (кроме эпоса, он записал этиологические сказки, мифологические и топонимические предания). Но, к сожалению, планам не суждено было сбыться, война прервала все. Он познал страшную блокаду, немецкий плен и пытки, но выжил. Николай Прокопьевич всей душой стремился в Арку, куда звали дорогого учителя письма его учеников. Но ему не суждено было вернуться, подорванное здоровье не выдержало суровых испытаний, он умер в августе 1944 г. по дороге в любимую Арку. Впоследствии неопубликованные им материалы были переданы его супругой Э. В. Булатовой известному тунгусоведу Г. М. Василевич, которая подарила их в архив Якутского филиала СО АН СССР в 1947 г.¹

В нимканах сказителя Николая Георгиевича Мокроусова «Геакчавал», «Делгэни» и «Чибдэвэл» основным сюжетом является борьба эпического богатыря с вражеским, изображение поединка двух или нескольких богатырей. В сказаниях представлен классический мотив героического сватовства («Делгэни», «Геакчавал») и мотив похищения жены («Чибдэвэл»).

В 1969 г. в с. Арка Охотского района Хабаровского края была предпринята фольклорно-лингвистическая экспедиция Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, в которой приняли участие первый эвенский ученый В. Д. Лебедев и исследователь эвенского фольклора Ж. К. Лебедева. В ходе экспедиции ими была произведена запись фольклорных материалов, в т. ч. и эпических текстов. Известно, что от сказителя Андрея Михайловича Громова, 47 лет, 1922 г. р., ими было записано семь эпических текстов (Лебедева, 1981: 83). Однако в собрании Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН обнаружены только русскоязычные переводы четырех сказаний А. М. Громова: «Хэлникэн, Хэлинтор», «Хэлникэн, Хөрэгэ – сыновья Холуни», «Нюнгуя – сын Кагана», «Холуни»² (сказания названы по именам героев). Сказания А. М. Громова отличаются довольно большим размером и более разнообразным составом персонажей, представленных богатырями нижнего и верхнего миров, с которыми сражаются герои. Следует подчеркнуть, что точное местонахождение первоисточников оригинальных текстов этих сказаний остается невыясненным, они считаются утраченными. В данной связи, к сожалению, в настоящее время мы не имеем возможности анализировать бесценные эвенские тексты в оригинале.

Отдельно стоит отметить научную экспедицию 1973 г. на Охотское побережье, в село Арка. Там В. Д. Лебедевым и Ж. К. Лебедевой были записаны шесть эпических текстов, сказителем выступил нимкалан Павел Дмитриевич Данилов (1919–1974) (Лебедева, 1981: 85). Из зафиксированных сказаний в нашем распоряжении имеются эвенские оригиналы и русские переводы текстов «Чипитор», «Этэргэлэн» и «Хэргэки» (названия сказаний отражают имена героев). До недавнего времени научная общественность была лишена сведений о местонахождении этих первоисточников, и бытовало мнение, что они безвозвратно исчезли. В распоряжении исследователей находились только русские и якутские переводные версии, представленные в трудах Ж. К. Лебедевой (Лебедева, 1981; Эвэн фольклора, 1981; Лебедева, 1982). Лишь совсем недавно эвенские оригиналы этих текстов были обнаружены и стали доступны исследователям. Летом 2025 г. они переданы в рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН³. Оригинальные тексты сказаний П. Д. Данилова еще не введены в научный оборот.

¹ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 18, 19, 20. Эвенские сказания «Делгэни», «Геакчавал», «Чибдэвэл», рассказанные Мокроусовым Н.Г. Запись Ткачика Н.П. с переводом на русский язык. Подарена Василевич Г.М. 1947 г.

² Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 23, 25.

³ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 41. Лебедева Ж.К. Эвенский эпос (тексты).

В 2023 г. в г. Благовещенске в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета была произведена аудио запись трёх сказаний от жителя села Арка, эвенского *нимкалана* Алексея Сергеевича Чирикова, 19.02.1942 г. р., место рождения – местность Кетанда Охотского района Хабаровского края, представитель эвенского рода годнинкан. Расшифровка и перевод сказаний «Хулгани» («Хулгани»), «Дёр хуркэчэр» («Два парня»), «Иркэнмэл нян Өиндя» («Иркэнмэл и Оиндя») произведены в ИГиПИМНС СО РАН, тексты ещё не подвергались научному анализу и не публиковались. *Нимканы* А. С. Чирикова по сравнению с ранними записями текстов охотской традиции менее представительные по размеру, укороченные и компактные. В них наблюдаются такие интересные явления, как песенные вставки-диалоги животных (медведя и лошади) («Хулгани», «Дёр хуркэчэр»), встречается указание на этническую принадлежность и генеалогию героев («Хулгани»). Вообще ранние стадии эпоса характеризуются, среди прочего, отсутствием чётких указаний на этническую принадлежность и родословную героев. В частности, в эвенском эпическом обществе этническая идентификация персонажей остаётся неопределённой; не уточняется, с кем именно герои вступают в состязания – с представителями своего или чужого племени (Шарина, 2021). Указания, связанные с происхождением языка и этноса, появляются крайне редко и оцениваются как инновационные вставки сказителя, например, в нимкане Е. А. Данилова (Данилов, 1991).

В сказании А. С. Чирикова «Дёр хуркэчэр» («Два парня») повествуется о двух героях – братьях *Иркэнмэ* и *Хорэгэ*, обладающих большой ловкостью и силой. Братья сражаются с рогами и зубастыми богатырями из нижнего мира, где старший брат, обладающий волшебными способностями, спасает младшего. Диалоги поются от имени медведя *Дэбрэ*, помощника чудовищ, и младшего брата *Хорэгэ*. По сюжету, мотивам и героям данный *нимкан* соотносится со сказанием А. М. Громова «Холуни», записанного в 1969 г., являясь, вероятно, его вариацией. Это свидетельствует о стремлении охотской эпической традиции к сохранению изначальных текстов.

Нимкан «Хулгани» по стилю и языку не имеет существенных отличий от эпических произведений, однако его сюжетная линия демонстрирует значительную оригинальность от других текстов охотской традиции. Своеобразие его в том, что здесь излагается история, где лошадь становится спасителем человека, учит его выживать, обучает охоте и рыбалке, выступает в роли мифического создателя. Здесь встречается и сказочный мотив сватовства. В заключительной части произведения появление нетипичных для эвенской культуры животных – коров и лошадей – носит характер сказочного элемента, нежели мифологического. Несмотря на это, сам образ лошади несет в себе черты мифологического существа, способного творить себе подобных, а ритуалы, связанные с останками лошади, перекликаются с этнографическими обычаями тунгусских народов. В более раннем варианте А. М. Громова «Холуни» 1969 г. эта роль принадлежит белому оленю.

Известный эвенский сказочный сюжет о девах-лебедях, прилетающих к двум братьям, находит свое воплощение в *нимкане* «Иркэнмэл и Өиндя». Этот вариант более полный и выразительный среди известных *нимканов* на данную тему. Сюжет включает в себя сцену, где герой-старший брат *Иркэнмэл* прячет крыло одной из девушек-птиц, а она, в свою очередь, отдает младшему брату *Өиндя* шар в обмен на утраченное крыло и улетает. В поисках жены *Иркэнмэл* преодолевает черта-*ариука* с помощью его талисманов, затем помогает брату победить трёх пришедших чужаков. Приведенные сказания соответствуют ранее документированным текстам по сюжетной структуре и форме, а также по географическому и диалектному признакам (ПМ).

Таким образом, из всех зафиксированных ранее 19 *нимканов*, относящихся к охотской эпической традиции, в настоящее время нам доступно всего 9 сказаний.

Фонетические особенности

Каждый сказитель, будучи носителем определенного говора, естественным образом излагает произведение, опираясь на устоявшиеся формы языка. Очевидно, что язык эвенских сказаний обладает диалектной спецификой, и *нимкаланы*, относящиеся к охотской эпической тра-

диции, также демонстрируют лингвистические особенности охотского диалекта. Следует подчеркнуть, что обстоятельное лингвистическое описание охотского диалекта было выполнено В. Д. Лебедевым, где автором были выявлены фонетические, морфологические и лексические особенности языка аркинских, ульинских и инских эвенов (Лебедев, 1982). Мы же рассматриваем только эпический языковой материал. Приведенные тексты имеют следующие особенности на уровне фонетики, характерные для данного диалекта.

Подтверждается использование переднеязычного щелевого глухого согласного [с] в середине и конце слова, например: *аси* ‘женщина’, *хисэчин* ‘вечером’, *гайса* ‘бедро (добытого животного)’, *кусисчиддэн* ‘сражается’, *чикас* ‘насквозь’, *эсэкэс мāsчира* ‘если не будешь убивать’. Данная черта присуща говорам восточного и среднего наречия эвенского языка.

В эпических сказаниях сочетаниям сонорных *л*, *н* с дрожащим сонорным *р* соответствуют удвоенные согласные *лл*, *нн*, тогда как в западном наречии соответствуют сочетания с последующим смычным согласным *д* (*лд*, *нд*). Например: *олло* (вост. *олра*, зап. *олда*) ‘рыба’, *дэгэллэн* (вост. *дэгэлрэн*, зап. *дэгэлдэн*) ‘летит’, *бивэчиллэ* (вост. *бивэчилрэ*, зап. *бивэчилдэ*) ‘будьте’; *нанна* (вост. *нанра*, зап. *нанда*) ‘снег’, *иманна* (вост. *иманра*, зап. *иманда*) ‘снег’, *маннудай* (вост. *манрудай*, зап. *мандудай*) ‘постараться’. В охотском диалекте сочетание сонорного *мр* иногда может быть заменено на *мн*, например: *имнэн* (вост. *имрэн*, зап. *имдэн*) ‘масло’. Указанное чередование *лл*, *нн*, является исключительной чертой среднего наречия и выступает в качестве одного из его ключевых дифференциальных признаков.

Из неотмеченных ранее фонетических особенностей охотского диалекта выделяются следующие. В языке охотской эпической традиции наблюдаются случаи колебания в произношении и переход согласного *ч* > *т*, например: *текэ́т* > *текэ́ч* ‘сейчас же’, *миркэ́нд’ит* > *миркэ́нд’ич* ‘на четвереньках’, *та́нн’алкандит* > *та́нн’алкандич* ‘с рогами’, *нанналкандит* > *нанналкандич* ‘со шкурой’.

В *нимканах* при соединении корневых и суффиксальных морфем наблюдается явление регрессивной ассимиляции согласных. В частности, происходит уподобление предстоящего согласного последующему. Это проявляется, например, в изменении показателя направительного падежа с *-тки* на *-кки*, а также в трансформации ограничительной частицы *-ткан/-ткэн* в *-ккан/-ккэн*. Например: *хйкки* ‘к тебе’, *гэрбэкки* ‘к имени’, *уркэккэн* ‘только дверь’.

Морфологические особенности

На уровне морфологии отмечаются отличия от западных диалектов. В текстах охотских *нимканов* отмечается употребление направительно-местного и направительно-продольного падежей, которые не фиксируются в западных говорах. Примеры: *Эрэк бэйил дьуутаклавар ньоона*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 105) ‘А эти люди убежали к себе в юрту’. *Дэн-дэгэ́ни, дьэ, тарич муну / Дэн-дэгэ́ни, бугатаклавар / Дэн-дэгэ́ни, хуруллэл*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 140) ‘Дэн-дэгэ́ни, ну, теперь нас, / Дэн-дэгэ́ни, к себе на родину / Дэн-Дэгэ́ни, уводите’⁴.

В *нимканах* обнаруживается эксклюзивная форма местоимения 1л. мн. ч. *бү* ‘мы (без вас)’, которая указывает на исключение адресата речи из действительской зоны местоимения 1-го л. мн. ч. В охотском диалекте данное местоимение может иметь форму *бүе*. При склонении и словообразовании эксклюзивное местоимение *бү* принимает основу *мун*. Данная черта является одним из дифференциальных признаков восточного наречия. Примеры: *Муну этэр маамалла. Буу ноуарбаатни йаватни-да эсу хуннирэ*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 98) ‘Нас не станут убивать. Мы им ничего не сделали.’ *Нумироо, эрэк бууйэ эркэ́мун / Нумироо, эрэк буу дьавукану / Нумироо, доолан бисилбу*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 137) ‘Нумиро, это наши талисманы / Нумиро, это мы отдаем / Нумиро, внутри хранящиеся’. *хэ́льчиво, мэ́нкэн-дэ́ / хэ́льчиво, бү́ тэ́рэнкэ́мун / хэ́льчиво, хэ́лтэлэ́ннэй?*⁵ ‘Хэ́льчиво, зачем ты сам/ Хэ́льчиво, на нашу землю / Хэ́льчиво, проник?’.

⁴ Здесь и далее перевод автора

⁵ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 41. Лебедева Ж.К. Эвенский эпос (тексты). Хэргэки. С. 72

В отличие от западного наречия в охотском диалекте употребительны формы притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. *мин* ‘мой’, *хин* ‘твой’, например: *Илгой, һөрэгэ һуркэн / Илгой, мин амардалив / Илгой, уэнэйдин*⁶ ‘Илгой, парень Хорэгэ / Илгой за мной / Илгой, шёл’ *Ноодивалдан, маатакаана, / Ноодивалдан, һин тэнийлэс, / Ноодивалдан, эмэдивэ*⁷ ‘Нодивалдан, богатырь, / Нёдивалдан, к твоему имени, / Нёдивалдан, пришла’.

Особенностью охотского диалекта является отличие склонения местоимения 3 л. мн. ч. После падежных показателей, оканчивающихся на гласный звук, вместо суффикса *-тан* добавляется *-тни*: *ноуарбатни* (винительный падеж), *ноуардутни* (дательный), *ноуартакитни* (направительный), *ноуардулатни* (местный), *ноуардулитни* (продольный), *ноуардукатни* (отложительный), *ноуардитни* (творительный). Данная черта представлена и в эпосе: *Арай эли ноугидалитни дьуурмиар дьуу бисни*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 100) ‘И вот перед ними двадцать юрт стоят’ *Уур ноуарбутни тиккооньдьидьэвки аси оодни*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 30) ‘Тут же превратилась в женщину, которая их столкнула’.

Языку сказаний характерны согласования прилагательных с числом и падежом определяемых существительных: *хһнил бэйил* ‘сильные люди’, *айал асал* ‘красивые женщины’, *кабатал олар* ‘лысые (безрогие) олени’. Примеры: *Тармаканду иимкаанан эсипэлбу дьуурмиар дьуулбу*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 99) ‘Затем прицелился в стоящие двадцать юрт’. *Арай умэн атикан һэлэч ньууригэлкэн, умнэт һэл осталкан, һэлду дөрду һэркэйдэн, һэлэч куйаргич һэркэйдэн*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 62) ‘Оказалось, что одна старуха с железными волосами, с железными ногтями, в железной люльке [ребенка] связывает, железными цепями связывает’. В приведенных примерах иллюстрируется согласование во множественном числе, в винительном (*-л-бу*) и дательном (*-л-ду*) падежах.

В области глагольной морфологии отмечаются присущие диалекту следующие особенности: личные формы глаголов 2 и 3 л. мн. ч. в прошедшем времени часто приобретают форму *-сни*, *-тни* (вместо *-сан*, *-тан*): *бисисни* ‘были (вы)’, *биситни* ‘были (они)’.

В предыдущих грамматических описаниях охотского диалекта эвенского языка не было зафиксировано наличие некоторых форм глагольного вида, которые обнаруживаются в эпических текстах.

К ним относится форма особо интенсивного однократного действия с показателем *-нукан-/-нукэн-* (ультрамгновенный вид), которая имеет значение однократной интенсивности. Примеры: *Дьэлгээни бими эрэв долдан-да, һэкээркиучин, оййи-да эсни тэтэйдэ тумтэннукэнни, ньуундэ*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 62) ‘Услыша это, Делгэни вскочил и, не одев даже одежды, выскочил, да и вышел’. *Тачин һиргэснэкэн, удэки туурлэ ньэкэснэн губонукэнни* (Эпос охотских эвенов, 1986: 83) ‘Когда она произнесла такое заклинание, доска в землю пошла, нырнула’. *Гиакчавал угич эмнэн, гуллэчэмэн чобаннив дилван тоннас уэннукэнни* (Эпос охотских эвенов, 1986: 144) ‘Гекчавал сверху подошел на скачущего белого оленя и сразу оторвал ему голову’. *Тадук тусанчириди хэннукэндук төрлэ гөбөннукэнни тандаи*. (ПМ) ‘Затем вскочив, по колено в землю провалился снова’.

В специальных работах не выделялась и форма длительного ослабленного действия (суффикс *-тна-/-тнэ-*), которая имеет значение многократности, неоднородности многоактного действия, протяжённость во времени, ослабленность действия. Данная форма также выявляется в текстах *нимканов*. Примеры: *Накитаньдья букчэнни, һэнкуни бими уэннэн-эл, бэбдэтиэрэн* (Эпос охотских эвенов, 1986: 48) ‘Медведь прилег, Хэнкуни подошел, пошел лечить’. *Гиадаакань, эрвоочин / Гиадаакань, биникэн, / Гиадаакань, һии Оотакчам / Гиадаакань, он эттэй / Гиадаакань, һуусэгэтиэссис!* (Эпос охотских эвенов, 1986: 105) ‘Гедакань, если ты такой (сильный) / Гедакань, есть, / Гедакань, то ты Отакчана / Гедакань, как одолевать / Гедакань,

⁶ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 41. Лебедева Ж.К. Эвенский эпос (тексты). Хэргэки. С. 101–102

⁷ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 174. Лебедева В.Д. Эвенский эпос. Этэргэлэн. С. 207

сможешь!». *Хэдилор, инэнтэн / Хэдилор, умэн герамкань / Хэдилор, хунтутналлам*. ‘Хэдилор, может быть на день / Хэдилор, на один прыжок / Хэдилор, отставать от вас буду’.

В языке охотских *нимканов* зафиксировано наличие формы многократного действия, маркируемой суффиксом *-ру* (итератив) и указывающей на некую повторяемость и длительность действия. Примеры: *Ньооган һэл куйарги, тээринэндули мургачин кадьаруттан*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 142) ‘Он железной уздой на обе стороны, как лошадь, оленем правит’. *Укал павтуруран моонды. Калтудук дьуудук умэн аси ньуурэн, хоокан ноод аси, бэй павтуруриван көөйэттэн*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 64) ‘Сразу перебивает деревом. Из полуконусной юрты одна женщина вышла, очень красивая женщина, смотрит, как мужчина перебивает’.

Грамматическая форма длительного действия с модальным оттенком жалости (аттенуатив) *-йат/-йэт* указывает на проявление действия или динамического процесса в замедленном темпе. Это сопровождается выражением говорящим определенной жалости или сожаления по отношению к субъекту действия. В повседневном общении эта форма часто применяется при воспоминаниях о близких, ушедших из жизни. Примеры из *нимканов*: *Нивсанди оон ньэкчин, ньууйээттэн*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 38) ‘Нивсанди что будет делать, выходит (бедняжка)’. *Арай гуакчан бичэ бэй гуунни: «Хэридо, тикэ һии эмчэв тууру ньэкэйэнни»*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 647) ‘Но вот человек, который был ястребом, заговорил: «Хэридо, вот ты бродил (долго) по земле»’.

Из неотмеченных в описании диалекта форм в текстах *нимканов* обнаруживается также функционирование причастной формы с суффиксом на *-ука/-укэ*. Данную форму мы предварительно по значению глагольных форм называем причастием потенциально возможного действия со значением долженствования (Бурыкин, Шарина, 2021: 338). Примеры употребления причастия возможного действия с модальным оттенком долженствования: *Умиро, эливэн тарак аси хоо хаман, / Умиро, хоо ниуиукэ, хоо хооньи аси*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 70) ‘Умиро, действительно, та женщина – очень большой шаман / Умиро, очень сильно может проклясть, ужасно сильная женщина’. *Чиаждань, тарич ноан / Чиаждань, эсни эмнэ / Чиаждань, эмэукэ бичэлэй. / Чиаждань, ноан эсэкэн эмнэ, / Чиаждань, би иэнэукэ бисив*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 89) ‘Чемдань, но он, / Чемдань, не пришёл, / Чемдань, хотя должен был прийти / Чемдань, если он не придет ко мне, / Чемдань, то я должен к нему пойти’ *Як-та эчи некэйр, як некэеукэ*. (ПМ) ‘Ничего не было, а что должно быть?’. *Эрэк аси бими эрэк Өиндетки хиргэчиукэ* одни. ‘А эта женщина стала Оинде заговаривать’.

Лексические особенности

Язык *нимканов* охотской эпической традиции отличается богатым пластом специализированной лексики. Так, при осуществлении целостного анализа охотских эпических текстов выявляются: уникальные имена эпических героев, раскрывающие суть персонажей и несущие глубокий смысл; характерные для каждого персонажа своеобразные запевные слова, подчеркивающие неповторимость героев; специфические фольклорные слова, не присущие обычной речи; выразительные определения, наделяющие персонажей индивидуальностью и придающие неповторимый колорит окружающего пространства.

В охотской эпической традиции именами обладают не все персонажи, а лишь значимые герои – богатыри и их ближний круг. Анализу антропонимической лексики охотской эпической традиции посвящен ряд работ. Свод из 85 этимологизированных антропонимов представлен в работе «Имена собственные персонажей эвенского эпоса». Авторы подчеркивают, что они обладают «способностью передавать значимую для реципиента информацию...» (Варламова, Саввинова, Нестерова 2019: 47). Например, герой *Гекчавал* (от *гекчан* ‘ястреб’) – бесстрашный воин, отличный стрелок, очень ловкий, красивый, обладает магическими способностями (Варламова, Саввинова, Нестерова 2019: 60–62), а персонаж *Хулину* (от *хули* ‘лиса’) – бесстрашный и умелый воин, может превращаться в лису (Варламова, Саввинова, Нестерова 2019: 115–116).

Характерной особенностью эвенского эпического повествования является применение заповных слов – специфических лексем, инициирующих (иногда завершающих) песенные монологи персонажей, зачастую еще до их визуального введения в сюжет (когда персонаж появляется впервые). В контексте жанрово-поэтических особенностей, данные заповные слова выступают в роли аудиальной идентификации героя, предвещающей его физическое появление. Каждый персонаж обладает уникальным заповным словом, причем наблюдается фонетическое сходство между частью этих слов и личными именами героев (например, заповное слово действующего лица *Чиндэни* – *чиндой*, *Баргини* – *баргиню*, *Кукунэй* – *кукэки*, *Хулгани* – *холгой*). В сказании «*Хэргэки*» маленький сын главного героя сначала имеет заповное слово «*ууэдон*» (от звука детского плача «*ууэ*»). По истечении времени родители дают своему сыну имя *Нивэни* (от *нивэт* ‘карликовая берёза’). Получив имя, он меняет своё заповное слово на «*нивалбаки*» (от *нивалбанчи* – ‘раскачиваться’), что подчёркивается в *нимкане* самим сказителем. Вероятно, формирование этих зачастую непередаваемых лексем обусловлено поэтической структурой повествования, основанной на принципах звукового параллелизма. Заповные слова выполняют две основные функции: во-первых, они служат средством первичного представления нового героя слушателям, поскольку его голос и речь предшествуют его появлению; во-вторых, для исполнителя они являются мнемотехническим приемом индивидуализации персонажей, ввиду отсутствия иных аналогичных средств. Использование заповных слов в диалоговых вставках, их повтор и параллелизм, присутствие определенных чередований, особый рифмо-ритмический рисунок, приводящий иногда к инверсивному порядку слов, рядом однородных членов предложения создают особую синтаксическую специфику *нимканов*.

Одной из отличительных особенностей лексического своеобразия эвенской эпической традиции является использование слов, относящихся к архаическому пласту языка и вышедших из активного употребления в современном речевом обиходе. В охотских эпических текстах встречаются фольклорные слова, которые используются только в устном народном творчестве, но не употребляются в повседневной коммуникативно-речевой практике. В отличие от общеупотребительной лексики их особенность состоит в специфической семантике, они несут в себе глубокий этнокультурный контекст. Зачастую фольклорные слова характеризуются наличием в смысловом значении некоего символического компонента. Охотской традиции характерны следующие фольклорные слова: *эдиу* ‘муж мой’ от *эди* ‘муж, супруг’ – обращение от лица супруги; *мāтакāн* ‘богатырище’; *уāди* ‘большой боевой лук’; *нёнмэк* ‘отверстие, дыра’, обычно встречается в сочетании *нянин нёнмэклин* ‘в небесное отверстие’, через который герой попадает в верхний мир; *нерми* ‘«боевое дерево», густая ровная лиственница, где герои вешали свои доспехи’; *гāсуас* ‘соперник для тебя’ от *гāдяк* ‘соперник’; *хэликэ* ‘волшебная заговоренная стрела’; *дёсат* ‘беда, несчастье’; *хōни* ‘человек, который обладает особой силой и ловкостью, разными положительными качествами’, *бяруунаман* ‘слуга, челядь’; *берувна* ‘служанка’. Примеры: *Нерройэй, нерройэй, / Эмэдэйми нерройэй, / Нерройэгу, нерройэй, / Хиньаникан эдиу*⁸ ‘Нерройэй, нерройэй, / Перекочую, нерройэй, / Нерройэгу, нерройэй, / Хиняни, муж мой’. *Тарич Дьэлгээни уаадый гадни, һэликэй гадни* (Эпос охотских эвенов, 1986: 58) ‘Делгэни взял свой большой лук и свою заговоренную стрелу’.

В текстах охотской эпической традиции фиксируются архаизмы- слова, обозначающие предметы, понятия, реалии, вышедшие из активного употребления. Из устаревших слов выявляются следующие лексемы: *агдиватни дёлван* ‘громовой камень’ – по старинным воззрениям эвенов, раскол деревьев во время грозы совершается камнем, низвергающимся с небес, в фольклорной традиции считается оружием богатырей верхнего мира; *нэмкэдэй* ‘стрелять из лука, пускать стрелы’; *улэдэй* ‘кидать в огонь, жертвовать’; *бьякади* ‘стрела’.

⁸ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 41. Лебедева Ж.К. Эвенский эпос (тексты). Чипитор. С. 56

Диалектизмы представлены в сказаниях следующими лексемами: *абага* ‘дед’, *алдар* ‘цель, мишень’, *асагдай* ‘размахивать руками’, *бамкандай* ‘ехать (не видя дороги)’, *бинарчидай* ‘крепиться, терпеть’, *товтадай* ‘ударять, колотить, рубить’, *уркаттай* ‘угощать мясом медведя’, *хунких* ‘колено’, *хунрачан* ‘ловкий, верткий’, *көрни* ‘озорной, норовистый’. Большинство при-
сущих охотскому говору диалектизмов при описании других говоров не отмечались. В текстах *нимканов* встречаются иносказательные тотемные названия медведя: *хэвэйэ, үэлэнэ, дэбэрэ*.

В сказаниях отмечаются метафорические выражения с использованием слова *гэрбэ* ‘имя’, например: *Гиадаакань, һии гэрбэлэс / Гиадакань, эмнив*. (Эпос охотских эвенов, 1986: 107–108) ‘Гедакань, к твоему имени / Гедакань, пришел (я)’. *Көкээдьэлли, һии гэрбэс ээрисэньдьим, чиадань* (Эпос охотских эвенов, 1986: 61) ‘Когда стану погибать, твоё имя позову, чемдань’. В первом случае звучит прямой вызов к поединку, сражению. Второе выражение означает при-
зыв к исполнению первого богатырского подвига. В следующем примере метафорическое вы-
ражение: *Дьэ, тарич илкар бэйил оодивун* (Эпос охотских эвенов, 1986: 128) ‘И затем (мы) стали настоящими мужчинами’ обозначает «стали богатырями». Выражение «*нимүээдьэйнэм*» ‘проглатываю’ в сказании имеет коннотацию «окончательно расправляюсь, одерживаю победу над врагом»: *Гэрэлэнь, биидит-тэ / Гэрэлэнь, нийлакаму / Гэрэлэнь, нимүээдьэйнэм / Гэрэлэнь, маатаагакан / Гэрэлэнь, Наадини*⁹ ‘Гэрэлэнь, теперь-то уж / Гэрэлэнь, своего противника / Гэрэлэнь, проглатываю / Гэрэлэнь, богатыря / Гэрэлэнь, Надини’.

В эпических произведениях слово *эвидэй* ‘играть’ употребляется в значении “сражаться”, например: *Тарич элэ туурлэ, киннилэнь, / Ньаань омалгални, киннилэнь, / хооньиватни долчибраарам, киннилэнь. / Таралтаки эмнив би, киннилэнь, / Таралньун эвинэриб, киннилэнь* (Эпос охотских эвенов, 1986: 28) ‘Затем на этой земле, киннилэнь, / О парнях Неба, киннилэнь / О силе их я услышал, киннилэнь. / К ним пришел я, киннилэнь, / С ними играть, киннилэнь’. Данная лексема употребляется и при обозначении богатырских состязаний по бегу, борьбе, стрельбе из лука и др.: *Гэлэ, оон эвидээнэ? – гуумэттэ* (Эпос охотских эвенов, 1986: 86) ‘Ну, как будем играть? – стали договариваться’.

Многоязычие жителей определенной территории является одним из значительных факто-
ров, оказывающих влияние на специфику языкового облика фольклора. Вклад различных язы-
ков в формирование лексического, грамматического и стилистического уровней фольклорных
произведений является предметом исследований в области лингвистической компаративистики
и фольклористики (например, работы В. М. Жирмунского, Г. Л. Пермякова). Таким образом,
языковой ландшафт территории, характеризующийся наличием нескольких языков, непосред-
ственно детерминирует уникальные черты национального фольклора, отражая сложность этно-
лингвистической ситуации.

Охотский архаический эпос служит ярким примером локального аутентичного народно-раз-
говорного языка. В его лексике преобладают исконно эвенские слова, восходящие к тунгусо-
маньчжурским корням. Присутствуют и некоторые русские и якутские заимствования, обуслов-
ленные коммуникативной практикой. Русизмы представлены лексемами, подвергшимися фо-
нетической адаптации: *раси* ‘раз’, *толко* ‘только’, *поросто* ‘просто’, *мериста* ‘верста’, *турба*
‘труба’, *раснай* ‘разный’. В эпических текстах встречаются следующие якутизмы, которые в
основном употребляются без изменений: *эбит* ‘оказывается’, *син* ‘довольно’, *хата* ‘к счастью’,
багар ‘может быть’, *буруй* ‘вина’, *арай* ‘вдруг’, *букатын* ‘совсем’, *сэнэ* > як. *сэниэ* ‘сила, энер-
гия’, *осок* > як. *оһох* ‘печка’.

Заключение

Проведенный лингвистический анализ эпических текстов охотской традиции выявляет диа-
лектную обусловленность языка *нимкана*. Отмечается ряд характерных черт на всех уровнях

⁹ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 50. Д. 41. Лебедева Ж.К. Эвенский эпос (тексты). Чипитор. С. 48

языка: фонетическом, морфологическом и лексическом. Если отмеченные в текстах сказаний фонетические особенности, такие как отсутствие спирализации согласного [с] в медиальной и финальной позиции, которые коррелируют с характеристиками говоров восточного наречия, то переход согласного ч в т, уподобление согласных соответствуют чертам западного наречия. Ассимиляция же согласных – сочетания *лл, нн* являются дифференциальными дистинктивными признаками среднего наречия. Морфологические особенности, свойственные анализируемым текстам, прослеживаются и в говорах восточного наречия. В области морфологии выявляются не отмеченные ранее в грамматическом описании охотского диалекта некоторые видовые формы: ультратгновенный вид (*нукан-/-нукэн-*); итеративные формы (*-тна-/-тнэ-* и *-ру*); аттенуатив (*-йат-/-ч-/-йэт-/-ч*). На лексическом уровне диалектные особенности представлены русизмами, якутизмами, собственными диалектизмами языка охотских эвенов, архаизмами, иносказательными терминами. Выявляется богатый пласт специализированной лексики: уникальные имена эпических героев, характерные для каждого персонажа своеобразные запевные слова, специфические фольклорные слова, метафорические выражения. В целом, представленные тексты отражают основные характеристики аутентичной речи охотских эвенов, демонстрируя как локальные особенности носителей охотского диалекта, так и черты фольклорного языка. Эпос также содержит сакральные знания о духовной и материальной культуре эвенов, их общественных нормах, обычаях, ритуалах и верованиях. Таким образом, язык охотской эпической традиции представляет собой ценный материал, обладающий большим потенциалом для изучения как в чисто лингвистическом, так и в этнокультурном аспекте.

Список сокращений

ПМ – полевые материалы отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН, собранные в местах компактного проживания эвенов в районах Якутии, Хабаровском крае с 2012 по 2025 годы
як. – якутский

Литература

- Богораз, 1931 – Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. В кн.: Богораз В.Г. (ред.) *Тунгусский сборник*. Выпуск 1. Л., 1931: Издательство Академии наук СССР. С. 1–108.
- Бокова, 2002 – Бокова Е.Н. *Эвенский фольклор*. Якутск: Бичик, 2002. 215 с.
- Бурыкин, 2001 – Бурыкин А.А. *Малые жанры эвенского фольклора*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 288 с.
- Бурыкин, 2004 – Бурыкин А.А. *Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка)*. СПб: Петербургское востоковедение, 2004. 374 с.
- Бурыкин, Шарина, 2021 – Бурыкин А.А., Шарина С.И. *Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология*. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.
- Варламова, Саввинова, Нестерова, 2019 – Варламова Г.И., Саввинова С.Н., Нестерова Е.В. *Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель*. Новосибирск: Наука, 2019. 219 с.
- Данилов, 1991 – Данилов Е.А. *Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ*. Якутск: Розовая чайка, 1991. 48 с. (на эвенском и рус. яз.)
- Дуткин, 1980 – Дуткин Х.И. Умчэгин (эвенская сказка). В кн.: Коркина Е.И. (ред.) *Вопросы языка и фольклора народностей Севера*. Якутск, 1980. С. 103–117.
- Иохельсон, 2005 – Иохельсон В.И. *Юкагиры и юкагиризованные тунгусы* / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 673 с.
- Лебедев, 1978 – Лебедев В.Д. *Язык эвенов Якутии*. Л.: Наука, 1978. 205 с.
- Лебедев, 1982 – Лебедев В.Д. *Охотский диалект эвенского языка*. Л.: Наука, 1982. 241 с.
- Лебедева, 1981 – Лебедева Ж.К. *Архаический эпос эвенов*. Новосибирск: Наука, 1981. 157 с.
- Лебедева, 1982 – Лебедева Ж.К. *Эпические памятники народов Крайнего Севера*. Новосибирск: Наука, 1982. 113 с.

- Линденау, 1983 – Линденау Я.И. *Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)*. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983. 176 с. (Дальневосточная историческая библиотека).
- Петрова, 2014 – Петрова В.А. Эпическая традиция эвенов в контексте духовной культуры и быта кочевого народа (конец XIX – начало XXI в.). дис. ... канд. истор. наук. М., 2014. 326 с.
- Тайшина, Роббек, 1992 – Тайшина Е.И., Роббек В.А. *Нёлтэк. – Нёлтэк*. (на эвен. и рус. яз.). Якутск: Розовая чайка, 1992. 64 с.
- Шарина, 2021 – Шарина С.И. Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты. *Сибирский филологический журнал*. 2021, (4), С. 9–23. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/1>
- Шарина, 2024 – Шарина С.И. Локальные эпические традиции эвенов: лингвистический аспект. *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2024, 2(21), С. 213–222. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222>
- Эвен фольклора, 1981 – Лебедева Ж.К. (ред.) *Эвен фольклора*. Якутск: Якутское книжное издательство, 1981. 222 с. (на якутском яз.)
- Эвенский фольклор, 1958 – Новикова К.А. (ред.) *Эвенский фольклор*. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1958. 120 с.
- Эпос охотских эвенов, 1986 – Цинциус В.И. (ред.) *Эпос охотских эвенов. В записях Н.П. Ткачика*. Якутск: НИИЯЛИ, 1986. 304 с. (на эвенском и рус. яз.)
- Metele, 2020 – Mete. *An ewen Epic Tale by Darja Mixajlovna Osenina. Edited by Andrey L. Malchukov*. Altaic Languages Series 09. Seoul: Seoul National University Press, 2020. 318 p. (на эвенском, англ. и рус. яз.)
- Schiefner, 1874 – Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner. In: *Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg*. 1874. 1873/76. 20. 1874: 2. pp. 247–257. *Melanges asiatiques* 7. 1873/76. S. 378–394. (на немецком яз.)

References

- Bogoraz VG. Materials on the Lamut language. In: Bogoraz VG (ed.) *Tungus collection*. Issue 1. Leningrad: Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1931. pp.1–108. (in Russian)
- Bokova E.N. *Even folklore*. Yakutsk: Bichik Publ., 2002. 215 p. (in Russian)
- Burykin AA. *Small genres of Even folklore*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 2001. 374 p. (in Russian)
- Burykin AA. *Language of a small people in its written form (on the material of the Even language)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 384 p. (in Russian)
- Burykin AA., Sharina SI. *Even language: Phonetics. Graphics and orthography. Morphology*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2021. 402 p. (in Russian)
- Varlamova GI., Savvinova SN., Nesterova EV. *Proper names of the characters of the Even epic: dictionary-index*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2019. 219 p. (in Russian)
- Danilov EA. *Irkenmel, Oyinde, Matele*. Yakutsk: Pink Seagull Publ., 1991. 48 p. (in Even and Russian).
- Dutkin HI. Umchegin (Even fairy tale). Korkina EI. et al. (eds.) *Questions of language and folklore of the peoples of the North*. Yakutsk: 1980. 1980 pp. 103–117. (in Russian)
- Yokhelson VI. *Yukaghirs and Yukaghirized Tungus*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 673 p. (in Russian)
- Lebedev VD. *Language of the Evens of Yakutia*. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 206 p. (in Russian)
- Lebedev VD. *Okhotsky dialect of the Even language*. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 241 p. (in Russian)
- Lebedeva ZhK. *Archaic epic of the Evens*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981. 156 p. (in Russian)
- Lebedeva ZhK. *Epic monuments of the peoples of the Far North*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 113 p. (in Russian)
- Lindenau YaI. *Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century)*. Magadan: Magadan Book Publ. House, 1983. 176 p. (Far Eastern Historical Library). (in Russian)
- Petrova VA. The Epic Tradition of the Evens in the Context of the Spiritual Culture and Way of Life of a Nomadic People (Late 19th – Early 21st Centuries). Candidate's dissertation (History). Moscow: 2014. 326 p. (in Russian)
- Tayshina EI., Robbek VA. *Nyoltek, nimkan*. Yakutsk: Pink Seagull Publ., 1992. 64 p. (In Even and Russian)
- Sharina SI. Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features. *Siberian Journal of Philology*. 2021, 4, pp. 9–23 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/18137083/77/1>

- Sharina SI. Local epic traditions of the Evens: linguistic aspect. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2024, 2(21), pp. 213–222 (**in Russian**). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222>
- Lebedeva ZhK (ed.) *Even folklore*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House, 1981. 222 p. (in Yakut)
- Novikova KA. (ed.) *Even Folklore*. Magadan: Magadan Book Publishers; 1958. 120 p. (in Russian)
- Tsintzius VI. (ed.) *Epic of the Evens of Okhotsk: in the records of N. P. Tkachik*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House, 1986. 304 p. (in Even and Russian)
- Malchukov Andrey L. (ed.) *Metele. An ewen Epic Tale by Darja Mixajlovna Osenina*. Altaic Languages Series 09. Seoul: Seoul National University Press, 2020. 318 p. (in English, Russian, and Even)
- Schiefner A. Tungusian miscellaneous. By A. Schiefner. In: *Bulletin of the Imperial Academy of Sciences of Saint Petersburg*. 1874. 1873/76. 20. 1874: 2. pp. 247–257. *Melanges asiatiques* 7. 1873/76. pp. 378–394. (in German)

Об авторе

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии, ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН» (Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»), ORCID: 0000-0002-7536-2757, e-mail: sarshar@mail.ru

About the author

Sardana I. Sharina, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Federal Research Center “Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”), ORCID 0000-0002-7536-2757, e-mail: sarshar@mail.ru

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 31.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 18.07.2026

Принята к публикации / Accepted 23.08.2026